

„Венура Сеча“ № 4 1972.

Н. К. РЕРИХ с сыновьями — Юрием (слева) и Святославом (справа).

Ю. РЕРИХ:

пустыня покоряет сердце

С наступлением марта 1927 года для экспедиции началась страдная пора. Нужно было выбрать маршрут, укомплектовать экспедицию рабочими и обеспечить караванными животными. Также предстояло частично обновить снаряжение, отремонтировать и реконструировать палатки и пополнить запасы продовольствия.

Еще не все области Внутренней Азии были изучены, нужно было искать новые районы, исследовать их и запечатлеть в картинах. Китай исключался из-за ожесточенной внутренней борьбы, охватившей эту огромную страну. Оставался Тибет — страна снегов — Тибет, который в прошлом привлекал внимание блестящей плеяды исследователей.

Сначала невозможно было сказать, в каком направлении мы сможем пройти по Тибету, чтобы добраться до периферии Южной Азии. Центральный Тибет с его большими городами-монастырями казался идеальным местом для исследования древностей. Большая часть печатных дворов находилась недалеко от Лхасы и Шигацзе, и мы надеялись приобрести там интересную коллекцию гравюр и рукописей. Было принято решение направиться к Цент-

ральному Тибету и уже там выбрать дальнейший путь. Оказавшись в Центральном Тибете, мы могли либо продолжать путешествие по юго-восточному району страны и переправиться в провинцию Юнань в Китае и оттуда во Французский Индокитай, либо через крайне непривлекательную, покрытую лесом местность, пересеченную многочисленными реками, Британскую Бирму.

...Чтобы обеспечить безопасное продвижение экспедиции через запретную часть Тибета, нужно было получить соответствующее разрешение от тибетского правительства.

В феврале 1927 года тибетский представитель в Улан-Баторе направил запрос по телеграфу в Лхасу. Из тибетского консульства был послан специальный чиновник. К концу марта он возвратился с доброй вестью, что правительство Лхасы дало санкцию на выдачу паспортов членам экспедиции.

Много дней пришлось потратить на то, чтобы получить сведения о населенных пунктах маршрута, о переходах, о состоянии водных ресурсов в пустыне и транспортных возможностях. Единственная экспедиция, проходившая по некоторым участкам этого маршрута, была организована генералом П. К. Козловым в 1899—1901 годах. Юго-запад Гоби оста-

Окончание. Начало в № 3.

К вечеру капитана охватило беспокойство: люди на шхуне целый день не подают признаков жизни, не откликаются на гудки. Но с наступлением темноты мы увидели, как на мачте «Марко Поло» включился огонек. Мы немного успокоились. Состояние погоды пока не предвещало ничего хорошего. Мы были в зоне медленно смещающегося циклона, и, чтобы быстрее выйти из района штормовой погоды, было принято решение изменить курс. В течение ночи и следующего дня мы продолжали вести шхуну на буксире. Шторм начал стихать. Но к вечеру не выдержал и лопнул буксир. Оба судна снова в дрейфе, но ветер несколько ослабел. Ночь, темнота. Нужно снова заводить концы. Отдохнувшего у нас Норберта переправили с буксирным тросом на шхуну. Через несколько часов буксир был надежно закреплен, но в это время волны перевернули и оторвали от шхуны маленький надувной плот.

Всем стало ясно, что нашим матросам предстоит еще одна бессонная ночь: надо спустить плот, переправить его на шхуну, а затем — вместе с экипажем — обратно на наше судно. Риск для спасаемых был велик: малейшая оплошность могла стоить им жизни. Всей операцией руководил сам капитан. Развернули на палубе спасательный плот, тщательно его осмотрели, проверили проводник (переправочный конец) и после того на растяжках начали спускать его за борт...

Но, как говорят, если бутерброд падает, то обязательно маслом вниз. Так и у нас, при спуске первой же волной плот был опрокинут и оказался на плаву дном вверх. Но боцман Баранов и плотник Старченко удачно переправили концы, и очередная волна помогла плоту стать на «киль». Теперь можно переправлять его на шхуну. Плот переправлен. Около часа наши «пассажиры» готовили к буксировке шхуну, грузили свой багаж и собирались в последний, полный опасности рейс. Капитан подал команду: «Выбирать проводник!» Плот подплывает к борту, слышны четкие команды капитана.

У борта плот совершал пятиметровые рывки вверх и вниз. Двое из экипажа шхуны были совсем обессилены. Подняться по штормтрапу они не могли. Первым, обязанного страховым концом, подняли двадцатидвухлетнего студента из Англии — Роберта Доака. Как потом выяснилось, студент пустился в путешествие за тридцать земель от дома с двумя долларами в кармане...

Вторым подняли капитана шхуны. Он выглядел совсем стариком. Без поддержки матросов он едва ли сделал бы хоть шаг по палубе. Увидев капитана судна, он спросил, может ли он чувствовать себя в безопасности от шторма на «Шокальском»? Получив утвердительный ответ, он произнес только одно слово: «О'кэй!» Была ли это шутка, чтобы разрядить напряжение, или все еще страх за свою судьбу?

Владелец шхуны оказался американским гражданином. Восемнадцать лет проработал Урбан Вагнер инженером-химиком в одном из отделений компании «ESSO» в Юго-Восточной Азии. Теперь он был на пенсии и, купив на сбережения шхуну, с двумя случайными молодыми попутчиками совершал на ней переход через Индийский океан к берегам Африки, чтобы следовать далее в Америку.

Третьим поднимался по штормтрапу уже знакомый нам Норберт Сватос. Едва он успел оставить плот и ухватиться за штормтрап, его захлестнула очередная волна. И тут буквально в двух метрах от Норберта появилась шестиметровая акула. Стоящие у борта на мгновение замерли. Матросы, чтобы не испытывать судьбу, быстро вместе с трапом подняли Норберта на судно.

Медицинская помощь, горячий душ, пища привели в чувство наших гостей. На вопрос капитана, что делать со шхуной, хозяин ответил: «Вы один заслужили право распоряжаться ею».

Много хлопот доставила буксировка «Марко Поло» на расстояние более двух тысяч миль до Сингапура. Дважды переправлялись на шхуну группы во главе со старшим механиком Поддубным и старшим штурманом Виноградовым, чтобы проверить состояние буксира и привести шхуну в порядок: они отремонтировали рулевое управление, машину и шкиперскую оснастку.

Через два дня установилась штилевая солнечная погода. Мистер Вагнер, переживая роковой циклон, возмущенно восклицал: «Это несправедливо! Это не по правилам! Я знаю, что последний шторм был здесь сорок лет назад...» Когда же ему стало известно, что он находится на исследовательском судне погоды, то посыпались бесчисленные вопросы о причинах появления шторма в этих широтах. Видно, он сильно жалел о прерванном путешествии и переживал очевидную потерю своего суденышка. Уже в пути, в Сингапуре, он получил достаточно полную, по его словам, информа-

цию о погоде и был уверен, что в этих широтах и в это время года (стоял август) ему не грозит ничего подобного. И действительно, наши исследования в Индийском океане, которые проводятся уже несколько лет подряд, подтверждают такое мнение. Но это не значит, что в экваториальной зоне не бывает сильных ветров.

Здесь, как правило, достаточно узкой фронтальной зоны с контрастами температур в 2—3 градуса, чтобы в ней возник сильный шторм. Так было и в нашем случае.

Однако для мистера Вагнера все это было не очень доходчиво. Он снова задавал один и тот же вопрос: «А может быть, этому циклону уже дали название?» По его мнению, циклон с именем вполне мог бы оправдать возвращение шхуны в Сингапур. Ну что ж! По предложению наших синоптиков циклон назвали «Марко Поло». «О'кэй! Это вполне подходит», — сказал мистер Вагнер. — «Марко Поло» заслужил, чтобы его имя осталось в анналах истории науки о погоде».

Приближался Сингапур, и мы все с нетерпением ожидали решения вопроса о шхуне. За время почти двухнедельного плавания на борту «Шокальского» наши гости посвежели и повеселели. Роберт Доак думал уже о том, как он доберется до Англии, где скоро начнется учебный год; Норберт Сватос — о продолжении путешествия через Танланд домой. Мистер Вагнер, казалось, совсем примирился со своей потерей и, по его словам, торопился время в надежде поскорее добраться в свой Хьюстон в штате Техас.

Накануне прибытия в Сингапур капитан Чубуков объявил решение Приморского управления гидрометеослужбы о бескорыстном возвращении шхуны ее владельцу. Мистер Вагнер не сразу поверил в сказанное и переспросил: «Может быть, я неправильно вас понял? Вы возвращаете мне шхуну, действительно не требуя от меня уплаты за вашу задержку, за горючее, за буксировку, за все, за все?..»

Мистер Вагнер был потрясен.

За две мили до Сингапура капитан приказал отдать буксир на шхуне, и мистер Вагнер самостоятельно вошел в порт.

Это был конец его первого неудавшегося путешествия. «Второго, — сказал он, — не будет. *That's all!*» — «Довольно!»

Н. ДУРАСОВ

Борт судна «Ю. М. Шокальский».

ся одним из наименее изученных районов пустыни Монголии и Центральной Азии.

Из существующих карт этого района мы могли получить весьма смутное представление об этой стране. Кроме того, те немногие монголы, ламы и тибетские торговцы, которые находились в Улан-Баторе и знали этот путь, различным населенным пунктам давали разные названия, и было совершенно невозможно вычислить маршрут по существующим картам. Единственные пункты маршрута, которые можно было нанести на карту, были монастырь Юм-бэйсе, оазис Шара-Хулусун, Аньси и Ших-паоченг в горах Нань-Шаня — обычные южные конечные стоянки караванного пути.

Мы решили идти к Юм-бэйсе и намеревались от Улан-Батора добираться до Юм-бэйсе на машинах.

...Хорошо осведомленные лица советовали нам выехать в начале апреля, до того как пески в пустыне оттают и станут рыхлыми.

Караванный сезон для верблюдов начинается во второй половине августа и продолжается всю зиму до апреля или мая. Этот период приходится на самое холодное время года, и число обмороженных людей или с обезображенными обмороженными лицами, ушами и конечностями совершенно ужасающее. Мне однажды довелось в самый разгар зимы

У озера Зайсан закончился первый этап экспедиции — закончился отъездом Н. Рериха в Москву. Спустя некоторое время в Улан-Удэ начинается второй ее этап.

Экспедиция, конечно же, не увенчалась бы таким успехом, если бы ближайшим помощником Николая Константиновича не был его старший сын — востоковед Юрий Николаевич Рерих, один из крупнейших знатоков истории и культуры народов Востока.

После окончания экспедиции Ю. Н. Рерих издал капитальную монографию «По тропам Центральной Азии». В предисловии к оксфордскому изданию монографии крупный французский востоковед Луи Марин писал, что книга Ю. Н. Рериха является вкладом первого порядка в мировое востоковедение.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из этой книги, рассказывающие о втором этапе экспедиции.

видеть большой караван тибетцев и монголов, идущих из Тибета. Они вышли из Сининга в сентябре и на протяжении четырех месяцев прокладывали себе дорогу по не защищенной от ветра пустыне Гоби. Многие из них заболели воспалением легких и умерли всего в нескольких переходах к югу от Улан-Батора. Даже эти люди, закаленные и привыкшие к трудным условиям караванных путешествий, не могли вынести таких испытаний. Те, кто выжил, отморозили себе носы и щеки, и длинные полоски потемневшей кожи свисали с их лиц. Ужасно распухшие и почерневшие ноги и руки, со зловонными ранами, с признаками прогрессирующей гангрены, были убедительным доказательством их страданий. И, несмотря на это, люди были бодры и даже считали, что путешествие прошло очень успешно, потому что караван прошел невредимым район к северу от Канзу, наводненный грабителями. Эти торговцы готовы вынести любые лишения во имя того, чтобы их товары и караванные животные дошли целыми и невредимыми.

Кроме того, путешествуя в пустыне для них, вероятно, имеют особую притягательную силу, поскольку они снова и снова бросают вызов опасностям суровых зим Гоби и проходят сотни миль.

чтобы продать несколько штук тибетских материй или благовонных палочек. Это нельзя объяснить только соображениями личной выгоды, ибо торговля между Монголией и Тибетом никогда не достигала широкого размаха. Объяснение этому стремлению в пустыню следует искать в самой природе пустыни, которая проявляет непостижимое, почти сверхъестественное воздействие на каждого, кто хоть раз побывал в ее необозримых просторах. Море неотступно влечет к себе моряка, но пустыня покоряет сердце караванщика, который вновь и вновь возвращается в ее незабываемые бесконечные просторы.

За месяц нам удалось набрать достаточное количество людей, которые могли бы быть и обслуживающим персоналом экспедиции, и боевой силой в случае нападения шайки бандитов. Каждый должен был знать, как ему надо действовать в случае нападения, как ухаживать за конем и обращаться с оружием.

Большая часть людей раньше были охотниками и меткими стрелками, и многие из них были хорошими всадниками — очень важное качество в условиях экспедиции, исключаящее стертые спины и избавляющее животных от страданий. Помимо военной подготовки и упражнений в стрельбе, людей обучали ставить и разбирать палатки. Они должны были хорошо знать эти обязанности, чтобы разбить быстро лагерь после длительного, тяжелого перехода.

...Срок нашего пребывания в Улан-Баторе быстро истек, и дата отъезда, назначенная на 15 апреля, уже приближалась. 14 апреля ворота базы экспедиции широко распахнулись, и машины вошли во двор.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГОБИ

30 апреля 1927 года. ...Перед заходом солнца мы спустились с возвышенности и остановились на северной стороне равнины, покрытой гравием и густо поросшей кустарником саксаула. Начали разбивать лагерь, как вдруг холодный порыв ветра, за которым последовал отдаленный шум в горах, где-то к северо-востоку от стоянки, возвестил о приближении монгольского урагана. Спустя несколько мгновений ураган бушевал над лагерем. К счастью, он длился недолго — поднимая тучи песка, ураган пронесся по равнине на юго-запад. Ночь прошла спокойно: мы приняли все меры предосторожности и насколько было возможно крепче закрепили палатки. Для путников такие ураганы и песчаные бури всегда великое бедствие. От них совершенно невозможно защититься. Ураган ломает опору палатки, разрывает и разбрасывает ее, заносит толстыми слоями песка настил палатки и постель.

На следующий день мы снова продолжили путь по сухому руслу реки, стекавшей когда-то с гор в южную часть равнины. Дни становились заметно жарче, и у верблюдов начала выпадать клочьями шерсть. После восьмичасового перехода по покрытой гравием равнине мы остановились на ночевку в пустыне, у колодца с солоноватой и неприятной на вкус водой. Повсюду вокруг возвышались невысокие дюны. Далеко на юге виднелись горы Шара-Хулусун — таинственное место, которое всем нам очень хотелось увидеть. Наши проводники говорили, что Шара-Хулусун — узкое, покрытое лесом ущелье с небольшой горной речушкой на дне его. Рассказывалось много всяких историй об этом одиноком оазисе, расположенном в самом сердце пустыни Гоби.

...Пятого мая мы решили выехать очень рано, чтобы добраться до оазиса Шара-Хулусун и дать возможность нашим верблюдам как можно дольше по-

пасть в кустарниках оазиса. День выдался исключительно жарким. Два часа верблюжья тропа вела нас по широким островам спекшегося песка и пыли. Поверхность равнины была пересечена невысокой грядой известковых гор и дюн. Мы продвигались очень медленно, так как почва на низинах была топкой и верблюды часто проваливались в песок.

Оставив позади песчаную гряду, мы выехали на широкую долину, постепенно поднимающуюся к юго-западу. Около шести миль тропа шла по сухому руслу реки с многочисленными нагромождениями нанесенных с соседних обрывов обломков песчаника. Затем она вышла опять на гравиевую равнину, плавно поднимающуюся по направлению к горам Шара-Хулсун, уже четко вырисовывающимся на фоне неба. Валуны, обломки горных пород и сухие стволы деревьев преграждали ступь.

Около четырех часов дня, когда люди и животные совершенно изнемогали от непривычной жары, мы увидели несколько темных точек у подножия гор и у входа в узкое ущелье, скрытое за длинным уступом горы. Кто-то из караванной колонны закричал: «Деревья!» Мы не могли поверить своим глазам, так как большинство из нас были твердо убеждены, что в лучшем случае мы увидим только жалкие кустарники можжевельника. Но вдали были настоящие деревья: пустынный тополь, растущий по берегам реки. Все почувствовали прилив сил при мысли, что можно отдохнуть под сенью деревьев и разбить лагерь на зеленых луговинах.

Мы разбили лагерь в роще на берегу речушки, а караванных животных погнали вверх по течению реки в густые заросли кустарника.

Расположенное недалеко от монгольской границы ущелье всегда было излюбленным убежищем грабителей. За месяц до прихода экспедиции большой верблюжий караван по пути в Кучинг был ограблен здесь и один из погонщиков убит. Проводники монголы советовали нам быть настороже и ночью выставить караул.

Было уже довольно поздно, около девяти часов, и совершенно темно, как вдруг один из наших монголов, погонщиков верблюдов, охранявший животных в ущелье, ворвался в лагерь с тревожной вестью, что в ущелье он видел вооруженных всадников. Во что бы то ни стало нужно было узнать, кто эти люди. В тот момент, когда мы решали, что предпринять, раздался громкий ружейный выстрел, и эхо его прокатилось по ущелью. За первым выстрелом последовал второй. Наш часовой на другом берегу дал сигнал тревоги, и все бросились к оружию. Часовой заметил в темноте двух вооруженных всадников, один на белом коне выехал из кустов и выстрелил. Какие цели у всадников? Было ясно одно, что они нападают на наш лагерь.

Прошло несколько долгих напряженных минут: стрельба стихла, но по доносившемуся шуму мы заключили, что большая группа людей и животных передвигается по ущелью и приближается к лагерю. Трудно было удержать наших: им хотелось стрелять в каждое темное пятно, появляющееся вдали. Нужно было срочно установить, кто были нападающие и где они. Я принял решение отправиться с группой разведчиков под прикрытием стрелков. Тибетец вызвался идти в разведку и исчез в кустах.

После продолжительного отсутствия тибетец вернулся. Он рассказал, что перед нами большой караван из Коко-хото, направляющийся в Кучинг и Урумчи. Когда тибетец подошел к их лагерю, все люди, сидящие у костра, вскочили, погасили костер и приняли его в полном молчании. Затем они начали умолять пощадить их, так как уверились, что пришедший был из большой шайки бандитов, разбившейся в ущелье. Они даже обещали ему

большое вознаграждение деньгами или товарами. Караванчики были чрезвычайно напуганы, и тибетцу стоило большого труда объяснить им, что мы научная экспедиция.

Суббота, 7 мая. День обещает быть жарким. Над горизонтом нависли тучи. Повсюду песок: дюны простираются далеко на юг. Мы начали готовиться в путь около полудня. Монголы-погонщики поят верблюдов, подгоняют седла и смазывают мазью кровавые раны на боках животных. Шерсть скатывается под седлом, и от постоянного трения стирается кожа. Раны увеличиваются и становятся открытыми, и тогда лечение почти невозможно. Около двух часов дня весь караван в три колонны начинает марш по направлению к югу. Пройдя пояс дюн, простирающийся до края горного кряжа Гоби, караван идет по необъятной, покрытой гравием равнине. Черная поверхность каменной пустыни сверкает таинственными опаловыми оттенками. В раскаленном воздухе дрожат миражи — озера, острова с берегами, поросшими зеленью.

Впереди три дня пути по безводной пустыне, и люди и животные каравана уныло идут по едва заметной тропе. Сохранить силу верблюдов — главная забота во время долгих переходов по пустыням. В противном случае грозит великая опасность. Мы проходим через узкое ущелье, заваленное огромными валунами, затем низкий песчаный кряж изрезанных гор, известных под названием Хан-иннуру, который, как и большая часть горных цепей юго-западной части Гоби, простирается с северо-запада на юго-восток. По обеим сторонам тропы круто поднимаются гранитные утесы, чередующиеся с темными, почти черными массами базальта. Вершины гор увенчаны фантастическими образованиями выветренных горных пород, принимающих формы неприступных замков или крепостей, охраняющих караванный путь.

И снова черный гравий Гоби. Верблюды движутся мерным шагом, уныло покачивая головами, как будто ищут конца пути по каменной пустыне.

Мы пытаемся пройти как можно больше. Как величествен бывает рассвет и закат в пустыне! Вдруг закат начинает сверкать темно-пурпурными красками, и необъятная равнина искрится ослепительным багровым светом. Еще несколько секунд интенсивного яркого блеска, затем краски постепенно исчезают, и огромное пространство пустыни погружается в темно-лиловую тьму. Появляются звезды на удивительно темном небе. В атмосфере, почти полностью лишенной влажности, звезды кажутся необычайно яркими, словно тысячи ламп, горящих вокруг невидимого алтаря. К одиннадцати часам восходит луна и мягким голубоватым светом освещает пустыню — мертвое сердце Азии, — покрытую гнетущим черным камнем. К полуночи караван останавливается, разбиваются палатки, и верблюдов привязывают недалеко от лагеря.

ЦАЙДАМ

13 сентября 1927 года. Произошло ожидаемое столкновение. День был пасмурный, и тяжелые тучи нависли над горами. Караванная тропа шла по правому берегу реки Нейджи. Между плывущими облаками, туманом и возвышающимися горными вершинами время от времени можно было видеть снежные пики и ледники горного хребта Марко Поло. В этот день колонна экспедиции шла обычным порядком: впереди колонны — небольшой головной отряд под командой европейца, затем руководители экспедиции с остальными членами и несколькими монголами, за ними следовали мулы, груженные легкой поклажей. На некотором расстоянии за мула-

ми шла колонна верблюдов с тяжелым багажом. Колонну верблюдов охраняли несколько вооруженных всадников под командой одного из европейцев. Как только мы достигли северного склона перевала Элис-дабан, то увидели, что по тропе, левее нашего маршрута, стремительно скачут всадники. Кто они? Может быть, они пытаются выйти во фланг? Много вопросов промелькнуло в уме, но размышлять было некогда. На огромной скорости всадники неслись к экспедиции, и гулкий топот копыт их лошадей зазвенел в воздухе. Все они были вооружены современными винтовками, саблями, и у некоторых были пики. Наш проводник, монгол, бледный и перепуганный, отчаянно жестикулируя, бросился назад к реке с криком «Аранган! Аранган!» («Бандиты!»). Он был единственный из присутствующих, покинувший свой пост; все остальные проявили большую смелость и стойкость духа. Столкновение казалось неизбежным. Руководитель экспедиции приказал нам занять боевую позицию на вершине холма. Головной отряд, прикрывавший колонну, отступил к главным силам. Все заняли свои позиции. Было слышно, как заряжают винтовки. «На расстоянии трехсот ярдов мы будем стрелять!» — прокричал полковник, командовавший боевой частью экспедиции. И вражеские всадники дрогнули.

Еще несколько мгновений, и они остановились беспорядочной массой. Мы видели, что сабли владывались в ножны. Несколько человек спешились и начали между собой какую-то оживленную перебранку. Наша непоколебимость показала бандитам, что они имеют дело с хорошо вооруженным караваном и что их нападение на нас на открытой местности приведет к большим потерям. Поэтому они остановились и направили в наш лагерь несколько человек для переговоров. Мы вышли вперед, а в качестве меры предосторожности наши всадники окружили отряд. Никогда в своей жизни мы не видели таких бесчеловечных, грубых лиц. Большинство из них оказались молодыми людьми, вооруженными саблями и современными винтовками. Старик с седой бородой был предводителем шайки. Они пришли с повинной. Превосходство нашего огнестрельного оружия заставило их изменить первоначальное решение.

После непродолжительной остановки мы снова отправились в путь.

ВЕЛИКОЕ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

6 октября 1927 года. Экспедиция отправилась в путь очень рано, с тем чтобы до полудня добраться до Шенг-ди, где можно было у местных кочевников закупить запасы продовольствия. Долина реки, по которой проходил наш караван, стала шире, и на прилегающих склонах гор виднелись стоянки кочевников с отарами овец и стадами домашних яков. Пройдя семь миль по удобной дороге, внезапно мы увидели группу людей, стоящих на тропе. Оказалось, что это были полицейские, которые имели строгое предписание остановить экспедицию и послать сообщение верховному комиссару Хора, находящемуся в Чуна-ке. Большинство — неопытные молодые люди без оружия. Вместо сабли у одного из них был за поясом рог антилопы. Начальник отряда изо всех сил старался показать свои добрые намерения: он высовывал язык и показывал большой палец, упрашивая нас задержаться всего только на один день в Шенг-ди, чтобы дать ему время отправить рапорт о нашем прибытии верховному комиссару.

Мы решили остановиться, так как намерены были вступить в страну спокойно, считаясь с требованиями полицейских сторожевых охранений.

Все местное население пришло в наш лагерь, молодые люди с длинными взлохмаченными волосами, ниспадающими со лба, одетые в овчины, отороченные полосками черной материи, в высоких тибетских сапогах, изготовленных из грубой домотканой материи и кожи. У некоторых лица были намазаны черной пастой, чтобы защитить кожу от сильного ветра. Начальник отряда, успевший надеть на себя новую овчину, пришел в наш лагерь и начал составлять рапорт.

28 октября. Тяжелые тучи нависли, утро холодное и туманное. Чуна-ке представляет собой унылую картину: всюду снег и мрачные черные тибетские палатки. Кочевники покинули Чуна-ке, и невозможно стало доставать в достаточном количестве топливо и корм для животных. Отправили письмо, адресованное лично Далай-ламе.

На следующий день опять — 20 градусов. Юго-западный ветер, временами идет снег. Ночью несколько волков подбиралось к нашему лагерю, но собаки всякий раз отгоняли их. Мы попросили разрешения стрелять по волкам, но начальник нам отказал, так как в Тибете стрелять в животных строго запрещается.

Стаи голодных собак бродили в окрестности, время от времени они нападали на людей. Целые стаи грифов кружили над лагерем. Их наглость была столь велика, что они утаскивали продукты из палатки, где находилась кухня, и даже уносили чашки. Огромные птицы пожирали туши животных, оставленных проходящими караванами.

...31 октября. Термометр показывает — 25 градусов по Цельсию. Нашим изголодавшимся караванным животным в день скармливаем только один фунт зерна, травы нет совсем. Верблюды катастрофически теряют силы. Ночью голодные животные бродят по лагерю. Мы заметили характерную особенность у лошадей и у мулов. Перед смертью они неизменно пытались войти в палатки, как бы отыскивая более защищенное место. Утром мы находили их мертвыми.

...7 ноября. Мороз усилился, и термометр показывает — 40 градусов. Несколько человек страдают от сильной простуды, которая, по свидетельству врача, легко может перейти в воспаление легких, если нам придется еще оставаться здесь. Монголы с трудом передвигаются, распухли лица, руки и ноги.

...16 ноября. Профессор Н. Рерих заболел и должен оставаться в постели.

...24 ноября. Самое холодное утро, которое мы пережили у Ворот Тибета, — 45 градусов. Стаи голодных собак становятся серьезной угрозой — они напали на наших людей, вышедших из лагеря. В этот же день растерзали три овцы. Ночью было невозможно спать от их непрерывного воя и лая. Они подбиралось к палаткам и таскали продовольствие. Местное население говорит, что необычный снегопад — наказание, посланное за непонятное поведение правительства Тибета по отношению к экспедиции.

...28 ноября. Пришел начальник и принес письмо от верховного комиссара. После обычных вежливых фраз верховный комиссар просит извинить его за то, что он не отправил письмо Далай-ламе. Он возвратил письмо... Было ясно, что верховный комиссар избавляется от ответственности и не в состоянии дать исчерпывающий ответ от имени правительства. Мы немедленно отправили посыльного с сообщением о намерении отправиться сразу в Нагчу для переговоров относительно нашего дальнейшего пути в Индию.

...7 декабря. Из Нагчу прибыл солдат и привез наше письмо обратно нераспечатанным.

на стр. 42 ►

Меч Гесэра.

Слово о Рерихе

У подножия Гималаев, в Кулу, стоит камень, обломок первозданной скалы, на котором высечена надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года...»

На родине Рериха в пахучих зарослях можжевельника, под покровом сумрачных елей и сосен прячутся груды таких же, как этот камень, диких могильных камней. Они получили в народе название «жалыники». «Жалыники» — так и называется одна из крупных ранних археологических работ Рериха.

В этом слове слышится древняя как мир жалоба на утра-ту близких людей. Жалость об ушедших в страну, откуда нет возврата. О ней звенят печальные звуки пастушьей свирели, жалейки. Вот откуда, быть может, та задумчивая грусть и тишина, которые струятся от картин раннего Рериха, вещего певца языческой старины Русской земли, последнего ее Бояна.

И в творчестве Рериха-археолога, автора работ, посвященных древностям Новгородской и Псковской земли, с такой же эстетической богатой силой звучат мотивы героического прошлого русского народа, гордости за наше великое культурное наследие, за вечные памятники нашей культуры. И гордости и гнева — «Застрелили Пушкина и Лермонтова, отлучили от церкви Толстого, препятствовали Ломоносову и Менделееву войти в Академию наук. Можно написать ужасающий синодик... всяких поношений и разрушений», — пишет он Булгакову в январе 1937 года. Этими чувствами, этой борьбой за все русское, народное, фольклорное наполнено творчество художника. И его «Гонец», и «Варяжское море» с крылатыми, как лебеди, ладьями на синем море, «Покорение Казани», «Сеча при Керженце», «Князь Игорь» и многое, многое другое, не исключая

грандиозных по размаху церковных росписей и мозаик. Именно не исключая этих росписей и мозаик, потому что и в них вместо официального казенного православия царит иной дух народного эпоса и сказочного полета фантазии.

И вот уже в полной зрелости своего таланта, на вершине лет художник начинает новый путь. На этот раз не в Рим и не в Париж, не в Швейцарию, а в иные и далекие страны — на Восток.

Об этом новом этапе в творчестве Рериха, отмеченном грандиозными открытиями в познании духовного мира и художественной культуры Востока, новыми вкладами в мировоззрение самого мастера, написано много статей и книг.

Так много, что все это даже как бы отодвигает и заслоняет первый северный этап. На самом же деле одно не может быть понято и раскрыто полностью без другого. Между ними пролегал не пропасть, а сохраняется незримая, но осязаемая связь.

Эта связь — в гуманизме мировоззрения Рериха как художника, мыслителя и при этом не созерцателя, не отшельника, а человека действия.

С самого начала, с детства он живо и непосредственно откликнулся на все, что откладывалось в его душе. Здесь был наряду с Древней Русью драгоценный вклад Запада — древней Скандинавии с ее мужественными сагами, валькириями и викингами, витязями в кованых латах, чудовищными великанами страны льдов, с «Тристаном и Изольдой» Вагнера, «Сестрой Беатрисой» и «Принцессой Малейн» Метерлинка. Но столь же рано его воображение захватило красочные образы далекой Индии, Японии и даже легендарной Атлантиды. Так появляется стройная девушка Девасари Абунту, опирающаяся на изукрашенную колонну древнего храма, а около нее голубе, янтарно-желтые и синие птицы, сродни Сирину и Алконосту русского эпоса. И уже создан был «Индийский путь» — прообраз реального пути, по которому много лет спустя поведет он свой караван через пустыни, горы и степи Центральной Азии навстречу стране чудес.

Мощь пещер.

Теперь, как и прежде, Рерих остается верен археологии; он ищет следы великих переселений народов, на его пути высились ряды каменных столбов — менгиров, таких же, как в языческой Скандинавии. По шершавой коре валунов выбиты были камнем загадочные изображения, оставленные почитателями сил природы в далекие добуддийские времена: козлы, охотники с луками, колесницы.

Но больше всего художника захватила природа Центральной Азии, такая же первозданная, девственная, как во времена Пржевальского, — с ее дикими лошадьми, яками, куланами.

На тысячи километров расстились горные хребты, покрытые шапками вечных снегов, бесконечные степи с редкой травой у их подножия, а то и совсем пустыне, покрытые черной галькой — черная Гоби, солончаки и снова горы. Суровая природа окружала здесь человека.

Но какие глубокие, чистые и яркие сверкали здесь краски, а вместе с тем необыкновенные для европейского глаза, как причудливы и необычны изломы скал и контуры зубчатых гор! Мне помнится, как при первых лучах солнца огненным взлетом, гигантским факелом вспыхнули вдруг скалы с гнездом драконов-динозавров в пустынной долине Баиндзака. И тут нам стало понятно, почему Эндрюс назвал эти причудливые, как средневековый замок, обнажения красного гобийского песчаника «Пылающими скалами». Во сколько же раз больше чудес мог увидеть и увидел здесь глаз такого художника, каким был Рерих!

Так в палитре Рериха, на его полотнах возник целый мир, неизведанный, таинственный и манящий. В этом мире кочевали тысячелетиями со своими верблюдами номады, с черными руками и лицами от рождения, не знавшие мыла, питавшиеся у своих костров сырым мясом, жившие в черных палатках из заячьей шерсти. Из скалистых убежищ на мирные караваны внезапно налетали хищные разбойники, почти такие же дикие, как грифы-стервятники и волки пустыни. И так же контрастно, как черная Гоби и вечные снега Гималаев, противостояли друг другу пусты-

ня кочевников и очаги оседлости — монастыри. Каждый из этих монастырей был, как тысячу лет раньше, в средневековой Европе, местом, где историки, философы печатали и писали от руки книги, где трудились мастера живописи и скульптуры.

Каждый из них был музеем древней, но все еще живой культуры Востока.

Рерих с удивлением и восторгом наблюдал, как в искусстве Востока, в его мифологии и философии повторяются знакомые по сокровищам Европы мотивы и художественные образы, начиная с Троицы-Тримурти и вплоть до чаши священного огня — чаши Грааля.

Сердце художника целиком, без остатка, пленил фантастический и прекрасный мир древнего искусства Индии, Тибета и Монголии, с его то грозными, то пленительными образами, с его фантастически-богатыми сюжетами, созданными сотнями поколений мастеров.

Так родилась поражающая своей необычной красотой серия полотен, где на фоне Гималаев и Гоби-Алтая мчится витель с силами зла — Гэсэр, шествуют бодисатвы в пышных одеяниях, где Будда опускается на дно океана за скрытой в нем Истиной.

И если перевести все это с языка красок на обычный наш язык, то это и был вызов расизму, идеологии колонизаторов. И вспоминаются слова С. Коненкова: «Нравственные принципы Н. К. Рериха в области охраны культурного наследия человечества стали нормами международного права».

Рерих шел навстречу Востоку и видел то, о чем писал до него другой русский исследователь культуры народов Центральной Азии — Г. Н. Потанин, видел, что культуры Запада и Востока тысячелетиями, начиная со времен скифов и их звериного стиля, проникали друг в друга. Обменивались ценностями и создавали новые, невиданные сплавы.

Академик А. ОКЛАДНИКОВ

В снегах Тибета.

▼ со стр. 39

КОЧЕВНИКИ ХОР-ПА. ОТКРЫТИЕ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ»

Декабрь 1927 — январь 1928 года. Обширная горная область Тибета к северу от Нагчу известна под названием Хор, и кочевники, населяющие этот район, называются хоры (хор-па).

В тибетских исторических летописях название «хор» обыкновенно обозначает племена монгольского или центральноазиатского происхождения, которые с VIII по IX век нашей эры постоянно совершали набеги на Тибет и в особенности на северо-восточную границу его.

В современном тибетском разговорном языке слово «хор» обозначает «кочевник смешанного происхождения», который обитает в районе между областью, населенной племенами панагов и голоков, и областью Великого Озера. Пять племен хоров, живущих на северных и южных склонах горного хребта Цанг Ла, представляют собой пять отдельных родов. Самый крупный род насчитывает около тысячи юрт с населением приблизительно от четырех с половиной до пяти тысяч человек, меньшие роды имеют около четырехсот юрт.

Единственное занятие населения — скотоводство.

Путь к оазису.

Скотоводство всегда было типичным занятием хоров, но разведение скота осуществляется на таком примитивном уровне, что породы крупного рогатого скота и лошадей быстро вырождаются. Хоры не запасают сена на зиму, считая, что это приносит вред божествам земли. Всю зиму стада бродят под открытым небом.

Большую часть работы по дому выполняют женщины: доят коров, сбивают масло и делают тибетский сыр, дубят кожи и прядут шерсть для грубых тибетских тканей. Мужчины в летние месяцы уходят с караванами и возвращаются поздней осенью, до того как снег засыпает перевалы, с запасом ячменя и «цзампа» на зиму. Когда мужчины дома, они стерегут стада яков и овец — отнюдь не легкая обязанность на таких высотах.

Одним из самых значительных достижений экспедиции было открытие «звериного стиля» в искусстве кочевников Северного Тибета.

Характерной особенностью «звериного стиля» является наличие декоративных мотивов, в основу которых положено изображение животных; при этом фигуры животных размещаются так, что создаются необычайно красивые декоративные композиции. Некоторые из этих мотивов очень стилизованы, и истоки их развития коренятся в глубине веков. Художники, создававшие этот стиль, превосходно видели природу, очень хорошо знали повадки и характерные особенности изображаемых животных. Этот стиль распространился на огромной территории и стал типичным для всех кочевников Азии. Центр прекрасной культуры кочевников, которая оказала сильное влияние на искусство его более цивилизованных соседей, находился в горах Алтая — районе, изобилующем золотом, рудами, покрытом растительностью, нередко изображаемой на предметах «звериного стиля».

Трудно сказать, связан ли «звериный стиль» с каким-либо определенным этническим типом людей. Я склонен считать, что он возник у кочевников и охотничьих племен разных этнических групп, но живущих в среде, имеющей много общего, ибо только так мы сможем объяснить широкое распространение «звериного стиля» от границ Южной России до границ Китая и от сибирской тайги до величественных вершин Транс-Гималаев в Тибете.

Тибет всегда был открыт для кочевников с северо-востока. Именно оттуда пришли предки современных тибетцев. Высокогорное плато Кукунор, поднятое в среднем на высоту около десяти тысяч футов, и окружающая горная страна имели достаточно пастбищ для кочевых племен. Именно с этого огромного пространства пришли древние тибетцы, вытесненные могучим потоком каких-то других племен, и вынуждены были искать новые пастбища, наводняя долины и плоскогорья Тибета.

В исторические времена племена Тибета имели широкие связи с иранскими и палеоазиатскими племенами, кочующими по необозримым просторам, простирающимся до границ Китая. Современные исследования установили, что иранские племена являлись как бы переносчиками «звериного стиля». В эпоху Хань (206 год до нашей эры — 220 год нашей эры) было введено в употребление иранское военное снаряжение в Китае, а с ним пришла туда и богатая декоративность в «неозверином стиле», названном так в отличие от скифского звериного стиля южных степей России.

Значительные находки тканей и металлических предметов в «неозверином стиле» были обнаружены генералом П. К. Козловым в горах Ноин-ула на север от Улан-Батора, но ничего не было известно о существовании этого искусства в Тибете. Из находок экспедиции Н. К. Рериха, сделанных во время

вынужденной пятимесячной стоянки, следует, что именно этот стиль был «в моде» в Держе — районе, производящем металлические изделия, имеющем свои художественные традиции. Этот стиль также культивируется у хоров. Кожаные сумки для кремня, пояса, серебряные и бронзовые коробочки для талисманов и металлические пластинки выполнены в тибетском «зверином стиле».

Интересно сравнить две находки. Одна из Держе, северо-восточный Тибет, другая была обнаружена экспедицией Козлова в могильниках в горах Ноин-ула, Монголия.

Пряжка чеканной работы (железо, покрытое серебром) из Держе изображает льва с головой, повернутой влево, в сторону зрителя. Грива животного взлохмачена и стоит дыбом. Все линии тела напряжены. Он сидит на задних лапах, с поднятым вверх хвостом, как будто бы прислушивается к шороху, готовый прыгнуть. На фоне изображены два стилизованных дерева. Волнистые линии внизу — стилизованные горы.

Среди предметов, обнаруженных экспедицией Козлова в могильниках Ноин-ула в Монголии, тоже есть пряжка чеканной работы. На ней изображен стоящий буйвол или зубр с наклоненной и повернутой влево головой.

Сравнивая эти две пряжки, легко заметить большое композиционное сходство. В обоих случаях животное повернуто левым боком к зрителю и смотрит прямо на него. Одинаково изображена шкура животных. И там и здесь два стилизованных дерева служат фоном. Деревья на первой пряжке раскинули ветви над головой льва. Эти деревья из более теплого климата, а две сосны на находке Козлова говорят о ее северном происхождении.

Думаю, что эти два предмета отображают «звериный» мотив, бытующий в искусстве кочевников Внутренней Азии, но пряжка со львом происходит из южных частей этой области, а пряжка с зубром была создана на северной границе ее.

Металлические украшения, изображающие фигуры животных и птиц, можно часто видеть на поясах, которые носят тибетские кочевники. Экспедиция приобрела несколько таких поясов.

...4 января. Ночь холодная, термометр показывает — 30 градусов по Цельсию. К утру мороз усилился, и мы мерзли в наших летних палатках. В половине седьмого взошло солнце, и немного потеплело.

В полдень прибыли правители Нагчу. Мы все собрались в палатке. Они чинно вошли в палатку в сопровождении многочисленных слуг. Узнав о цели экспедиции, хан-по воскликнул, что ему очень приятно слышать об этом, но так как Тибет религиозная страна, не имеющая никакого отношения к внешнему миру, то правительство страны не разрешает иностранцам посещать Внутренний Тибет.

На следующий день губернаторы пришли снова. Они сообщили, что нам не могут разрешить пройти по Дам-Ла около Гянг-зе, но что их правительство готово договориться о том, чтобы нам разрешили путь в Сиким через Намру, Наг-тшанг и Зага-дзонг. Нам оставалось только согласиться.

...19 января. Все поднялись чуть свет. День обещает быть хорошим. Распределив багаж между людьми, которые привели животных для экспедиции, мы отправились в путь. Итак, кончилась наша пятимесячная стоянка на земле хоров.

4 марта 1928 года все участники экспедиции будут помнить как день окончания пленения в него-степриимных нагорьях Тибета.

Перевела с английского М. ДРОЗДОВА

В заключение нашей публикации мы приводим отрывки из книги Н. К. РЕРИХА «АЛТАЙ — ГИМАЛАИ», которые можно озаглавить:

ОБРАЩЕНИЕ К БУДУЩИМ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

Грашиваете, как мы обходимся без театров? У нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр — с легендами о небывалых народах. То злобный балет кашмирских купцов — шайтанов. То угрожающий монолог полицейского. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессия коней. То тихие вечерние песни. То фуриозо града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц, когда весь мир участвует в мистери эволюции. Когда обновленные понятия входят в жизнь повелительно в новообразованиях вселенской красоты.

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса — какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза! Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга! И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

Вам, молодым друзьям, напоминаю: запаситесь одеждой и на жару, а главное — на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Неожиданно перестаете чувствовать конечности. Всегда имейте под рукою аптечку: главное внимание — зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже все это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли — пирамидон. Не следует кушать много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая, сохраняет губы от болезненных трещин.

Не перекормите собак и лошадей. Иначе начнется кровотечение, и животное придется приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Следует проверить, были ли кони уже на высотах. Многие неиспытанные кони погибают немедленно. И стараются на трудных переходах все социальные различия, все остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям. Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в «пустынях», только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый неверный шаг — уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными руннами. Основа всех учений — бесстрашие. Не в кисло-сладких летних пригородных лагерях, а на суровых высотах научитесь быстроте мысли и находчивости действия. Не только на лекциях в тепле натопленной аудитории, но на студеных глетчерах сознаете мощь работы материи; и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет.. Крылья палаток шумно трепещут, хотят летать.

Публикацию подготовили: **И. БОГДАНОВА-РЕРИХ,**
В. ВАСИЛЬЧИК, М. ДРОЗДОВА.
Комментарии и научная редакция доктора
искусствоведения лауреата премии
имени Дж. Неру **С. ТЮЛЯЕВА**

Известно, что каждый скандинав считает себя викингом. Но вот каков он, сегодняшний викинг?

Прежде всего нам, пожалуй, следует ознакомиться с предметом нашего исследования. Прошу.

Если взять шведского, норвежского и датского викинга и посадить их за хорошо сервированный стол (излюбленное место пребывания нынешнего викинга), то разница между ними будет очевидной. Швед голубоглаз, худощав и очень высок, он выше остальных — настолько выше, что ему иногда предлагают сесть, хотя он уже давным-давно уселся. Он курит сигареты с фильтром, носит в нагрудном кармане белый шелковый платочек, а в петлице — значок

Датский писатель-юморист В. Брейнхолст уже знаком нашему читателю: в № 11 за 1969 год печатались его заметки «Мы, скандинавы...». В этом номере мы знакомим с новыми изысканиями автора в области «скандинавологии».

члена общества трезвенников «До дна».

Датчанин голубоглаз, невысок и кругл — он круглее всех. Это последнее объясняется тем, что Дания — сельскохозяйственная страна, а любимое занятие датчанина — еда. Он курит толстые сигары, набивая ими нагрудные карманы, отчего они делают похожими на газыри, и в создавшейся ситуации сразу же предложит сигару шведу и норвежцу. Оба они откажутся: швед — из-за того, что считает преступлением переводить на дым такую хорошую сигару, когда на столе нет кофе и коньяка, норвежец — потому, что втайне побаивается розыгрыша, зная, что датчанин не упустит случая продемонстрировать высокий уровень датского юмора, и сигара может загореться бенгальским огнем.

Голубоглазый норвежец предан самому солидному и мужественному виду курения — трубке. Его рост — вполне приемлемый ком-

промисс между ростом шведа и датчанина. Из трех скандинавов отличить норвежца довольно легко: во-первых, он сам тут же скажет, что из троих именно он является норвежцем. Во-вторых, его можно узнать по значку в петлице: значок представляет собой либо норвежский флаг на фоне эмблемы лыжного клуба, либо эмблемы лыжного клуба на фоне норвежского флага.

Говорить нынешний викинг предпочитает по-английски, вернее — на таком английском, который англичанину будет понятен не больше, чем монгольский. В то же время шведский язык считается одним из самых красивых в мире. Торжественная месса, фанфары, колокола Миланского собора — вот что такое шведский. Норвежский язык сразу же наводит на мысль о том, что Норвегия — горная страна. Когда норвежец начинает говорить, то кажется, что он привык беседовать на расстоянии: он, скажем, в долине, а его